ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 811.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-155-161

ОБЩИЙ ФАКТ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В КУРСЕ РКИ

О. К. Грекова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Введение. Статья посвящена актуальному, но наименее исследованному из аспектуальных значений русского языка значению общего факта. Полная квалификация этого значения тем более важна, что оно представляет собой точку отсчета аспектуальной системы русского языка. Анализируются основные принципы представления данного материала в современных учебных курсах русского языка как иностранного, созданных зарубежными и российскими авторами, отмечаются особенности концепций.

Целью работы является разностороннее представление двух синтагматических ограничений реализации общефактического значения (несочетаемость: а) с наречиями «вдруг», «внезапно», «неожиданно»; б) с квантифицируемым объектом) и создание объяснительной модели этих двух явлений.

Основные результаты. Несмотря на традиционное представление о доминирующей в семантике этих наречий семе неожиданности, автор, разграничивая аспектуальные и неаспектуальные характеристики действия, находит признак неожиданности аспектуально нерелевантным и выбирает другую основу трактовки первого ограничения – выделенность, важность действия/состояния с позиции говорящего, что подтверждает одну из функций глагольного вида – интерпретационную. Второе ограничение рассматривается в более широком круге явлений – в связи с количественными, качественными и качественно-количественными аспектуальными характеристиками самого действия/состояния. Паритив как количественная характеристика объекта признается однородным количественным характеристикам типа протекания действия/состояния, которые невозможны по определению понятия общий факт. В результате исследование проливает свет на само содержание понятия «общефактическое значение», делая возможной дополнительную трактовку последнего для иностранной аудитории: несфокусированность говорящего на действии/состоянии. Следовательно, общефактическое значение может быть включено в круг способов проявления общезыковой категории определенности/неопределенности (в данном случае протекания/распределения действия во времени).

Заключение. Полученные результаты ведут к такой перспективе исследования, как исчисление типовых ситуаций реализации общего факта с участием иных грамматических форм глагола (будущего времени и инфинитива), ориентация аспектуальных смыслов относительно диктума и модуса и уточнения, места аспектуальных смыслов в смысловой организации русского предложения.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, аспектуальные значения, общий факт, выделенность действия, квантификация объекта.*

Введение

Аспектуальные значения русского предложения, составляющие один из пластов смысловой организации последнего, представляются как отечественными, так и зарубежными аспектологами в виде более или менее устоявшегося перечня: однократность, повторяемость, длительность, мгновенность/завершенность/предельность, перфектность, общий факт.

Если основные понятия этого ряда изучающим русский (шире – славянский) глагольный вид представляются относительно ясными, то последнее, как правило, требует множественных комментариев: не без труда поддается осознанию наличие возможности номинировать действие вне каких бы то ни было характеристик типа его протекания, распределения во времени: так называемое общефактическое значение (ОФЗ).

Общий факт как точка отсчета русской аспектуальной системы

В ряде стран (как европейских, так и восточных) преподавателями РКИ ОФЗ если и вводится в обиход учащихся, то признается нечастотным, периферийным и недостойным полноправного обсуждения и закрепления в функциональном курсе русского языка значением.

В учебных пособиях по русской грамматике, написанных зарубежными авторами, в отношении ОФЗ можно отметить пять основных тенденций:

1) дается одним из последних после значений действия в развитии, результативности, фазовости, незавершенности, повторяемости [1, с. 258–259];

2) дается в учебном материале, излагаемом от формы к смыслу, т. е. в аспектологической части

отдельно представлены значения НСВ и СВ, не сведенные в пары соотносимых;

3) разнесено по разным разделам, соответствующим личным/неличным глагольным формам и разным временным планам (встроенность ОФЗ в перечень аспектуальных значений современных тестов ТРКИ анализируется в [2, с. 100–101; 3, с. 89];

4) приписывается собственно глагольному слову, хотя в комментариях примеров кое-где просматривается роль контекста;

5) характеризуется не вполне последовательно по сути, например, иногда говорится, что ОФЗ – это отсутствие характеристик типа протекания действия, и немногим позже ОФЗ попадает в рубрику «НСВ – Завершенное действие: Однократность» с примером *Вчера по радио передавали, что сегодня будет дождь* [1, с. 93]. В последнем случае значение однократности представляется неподтвержденным, поскольку погоду нередко передают несколько раз в течение дня.

Российские аспектологи-практики достаточно давно отмечали специфичность этого значения, реализуемого как ‘было/не было’. В ряде статей по проблемам преподавания РКИ оно фигурирует также как бытийное и аспектуальный нуль. Сам термин *аспектуальный нуль* принимался не всеми аспектологами. Следует, однако, вспомнить, что долгое время весьма спорным был и вопрос о признании нуля синтаксического, но все же, во многом благодаря Е. Н. Широкову, он получил признание, так что не стоит отказываться и от понятия «аспектуальный нуль». Что это даст?

Во-первых, если преподаватель дает это понятие ближе к началу практического аспектологического курса, то иностранная аудитория сразу получает точку отсчета всей аспектуальной системы. Подобным образом поступили Э. Эндрюс, Г. Н. Аверьянова, Г. И. Пядусова, достаточно рано вводя ОФЗ как ‘было/не было’, однако без указания на отсутствие характеристик протекания такого действия во времени [4, с. 20]. Причем желательно, как показывает практика, давать его сразу на примерах не только прошедшего времени несовершенного вида (ПН) (*Вчера хирург принимал?*), но и на примерах инфинитива (*Вам надо больше читать!*) и будущего времени (*Вы будете выходить на следующей остановке?*).

Во-вторых, отталкиваясь от ОФЗ, легче перейти к парам длительности – мгновенности, однократности – повторяемости, ОФЗ – перфектности. Состав пары может быть подтвержден меной видо-временной глагольной формы в примере. Стоит заметить, что курс предпочтительнее строить от смысла к форме, поскольку в функциональном курсе русского языка мы неизбежно придем к идее, что аспектуальное значение – не значение слова

или словоформы, а значение предложения/высказывания и текста. Последний лучше представить диалогом, так как он проявляет ряд аспектуальных значений четче, чем монолог. Например, значение ‘действуйте немедленно’ – принадлежность вторичной номинации действия во второй реплике диалога, которой вообще придают большое значение в выборе вида. Например: [I] *Откройте окно!* [II] *Извините, одну минуту, у меня бумаги полетели (убирает бумаги). Ну вот, теперь открывайте!*

Существенной проблемой введения ОФЗ является недостаточная очерченность его границ.

В некоторых учебных пособиях РКИ, затрагивающих аспектологический материал, ОФЗ может попасть, например, в рубрику «ОФЗ НВ и взаимозамена видовых форм», где ОФЗ именуется «пустым в содержательном плане значением» и в комментарии утверждается, что «...при этом „пустом значении“ происходит некоторое сближение видовых форм, ...возможность в ряде случаев взаимозамены (*Ты говорил ему об этом? Ты сказал ему об этом?*)» [5, с. 17]. На наш взгляд, обе видовые формы в примерах, приведенных автором, семантически и не синонимичны: с помощью НСВ выражается ОФЗ, т. е. бытийное, экзистенциальное, а с помощью СВ – значение ожидавшегося действия. Аналогичным образом трактует подобную пару примеров и Тэк-Гю Хонг, отмечая дополнительно для формы ПН функцию дискурсивного предтопика, или предэтапного вопроса, за которым может следовать тот, который больше всего интересует спрашивающего [6, с. 326].

Другими, достаточно типичными лингвометодическими погрешностями введения ОФЗ, по нашим наблюдениям, является неразличение:

1. ОФЗ и однократности. Так, например, в рубрике «Рема-сказуемое» говорится, что глагол НСВ в таких предложениях «просто сообщает о наличии или отсутствии действия...», типичным контекстом являются наречия неопределенного времени: *когда-нибудь, один раз, однажды, как-то*. Например: *Вы когда-нибудь видели закат на море?* – *Да, один раз видел* [5, с. 18]. На наш взгляд, *один раз* обозначает однократность, а не ОФЗ, а *однажды* – многозначная единица, способная выражать и ОФЗ, и однократность, так что иллюстрировать ее употребление стоило бы более детально.

2. ОФЗ и завершенности/результативности (иногда в совокупности с ожидавшимся действием). (Так, в рубрике «Рема-сказуемое» мы находим утверждение, что «... предложения этого типа отвечают на вопрос *Было или не было данное действие?* Например: *Ты читал эту книгу? Ты прочитал эту книгу?*») [5, с. 18] Думается, что приведенные автором примеры не следует считать сино-

нимичными: если первый является бытийным, то второй касается завершенности/результативности действия.

Список погрешностей описания ОФЗ этим, к сожалению, не исчерпывается.

Возможно, это связано с тем фактом, что относительно других аспектуальных значений узус ОФЗ наименее осознан и самими носителями языка. Если говорящему априори ясно, в каком случае он хочет выразить иные аспектуальные идеи, то по поводу необходимости лишь заявить о наличии/существовании некоего действия/состояния не каждый носитель языка найдет с ответом.

При каком положении дел говорящий хочет ограничиться сообщением о бытии действия/состояния в рамках прошедшего времени? Выделены, по крайней мере, 10 подобных типовых ситуаций, обозначаемых с участием формы ПН:

1) при детальном расспросе (*Ты ездил летом на родину? До какого города летел? Пересадку делал? Какую еду предлагали во время полета? Родные тебя встречали?*);

2) при одинарном вопросе относительно жизненного опыта (*Ты когда-нибудь ездил на «Сапсане»?*);

3) при констатации факта, связанного с отменой аналогичного действия (*Распишитесь, пожалуйста, в ведомости получения стипендии! – Я уже расписывался*);

4) при полном отрицании действия или своего участия в нем (*Кто включил приборы раньше времени? – Не знаем, мы не включали*);

5) в специфических ситуациях выражения недовольства и упрека (*Кто отсылал мейлы партнерам? Один забыли отослать*);

6) в ситуации, когда вначале сообщается о бытии действия/состояния, а потом об отсутствии ожидаемого результата (*Метеорологи сообщали о приближении сильных морозов, однако не все городские службы успели к ним подготовиться*);

7) в ситуации выяснения авторства, когда последнее представляется вариативным (*Кто ставил «Сталкера»? – Тарковский. Ср.: Кто написал «Войну и мир»? – Толстой*);

8) при сообщении об аннулированности результата движения (*Вы были дома в праздники? – Нет, ездили в Ригу*);

9) при разговоре о начале биографии, карьеры – конвенционализированно (*Он начинал в тогдашнем Свердловске. Тогда еще никто не догадывался, как далеко он пойдет*);

10) при непрямом цитировании (*Именно об этом предупреждал нас академик Д. С. Лихачев. Об опасности затопления петербургского метро говорил во всеулышанье еще первый ректор Горного института*) [7, с. 4–5].

На фоне отмеченной Е. В. Петрухиной [8, с. 110] тенденции к «экспансии НСВ» в современном русском языке можно отметить расширение сферы реализации ОФЗ не только в плане прошедшего, но и в плане будущего и при инфинитивной номинации действия (все с участием именно форм НСВ), и это заставляет более внимательно отнестись, с одной стороны, к инвентаризации типовых ситуаций этих сфер, а с другой – к картированию типичных случаев нарушения правил реализации ОФЗ.

Мы остановимся на последней из названных проблем.

Общий факт vs выделенность действия

Представляя в учебном курсе РКИ общефактическое значение форм прошедшего времени несовершенного вида (далее – ПН), приходится сообщать и об ограничениях в его реализации, одним из которых является невозможность при передаче ОФЗ воспользоваться лексическими средствами *вдруг, неожиданно, внезапно*. В аспектологических трудах были сделаны некоторые попытки создания объяснительной модели данного ограничения. Рассмотрим их подробнее. Одна из таких моделей была в свое время предложена М. Я. Гловинской: «Обстоятельства неожиданности... мешают выражению общефактического значения, так как **характеризуют протекание действия**» [9, с. 143]. На наш взгляд, неожиданность, безусловно, характеризует действие, но при этом не подпадает ни под один из известных в мировой аспектологии типов его протекания.

Рассмотрим характеристики действия, обозначаемого глаголом в ОФЗ. Они могут быть как неаспектуальными (аспектуально нерелевантными), так и аспектуальными. Покажем это на примере фрагмента текста С. Довлатова.

Биографию Левицкого все знали. Он был сыном видного меньшевистского деятеля. Эмигрировал с родителями в девятнадцатом году.

[I] **Учился** на историко-литературном отделении в Праге **крайне успешно**. Жил во Франции. Печатался в «Современных записках».

[II] **Год тренировал** боксеров в фабричном районе Парижа.

[III]* *На похоронах Ходасевича **избил** циничного Георгия Иванова. Причем буквально на краю могилы* (С. Довлатов. Жизнь коротка. СПб.: Азбука, 2016, с. 8).

Сопоставим указанные два типа характеристик:

[I] действие, обозначенное формой ПН *учился*, охарактеризовано качественно (*крайне успешно*) и реализует ОФЗ;

[II] действие, обозначенное формой ПН *тренировал*, охарактеризовано количественно, аспектуально – по его длительности (*год*) и реализует аспектуальное значение длительности;

[III]* будет рассмотрено ниже в связи с объяснительной моделью Г. М. Зельдовича.

Таким образом, неаспектуальные характеристики действия (качественные, в том числе *вдруг, внезапно, неожиданно*) не мешают реализации ОФЗ, а количественные характеристики, аспектуальные – мешают.

В области РКИ была сделана другая, ложная, с нашей точки зрения, попытка ассоциировать ОФЗ со значением ‘действуйте немедленно’ по признаку ‘сразу’.

В отношении рассматриваемого здесь ограничения нам ближе иная позиция, позиция Е. С. Кубряковой, писавшей об особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий выделенности (релевантности) и выдвижения: эти два термина нашли место в Кратком словаре когнитивных терминов [10]. Понятием выделенности оперируют также такие исследователи, как Т. ван Дейк, Л. Талми, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Кибрик, П. Б. Паршин и др. Нас термин привлекает как относящийся к коммуникативной организации смысла и как охватывающий разные уровни языка и разные процессы.

В динамическом мире выделенность частотна и проявляется непременно при наличии ряда действий, состояний, событий и т. д. Говорящий производит выделение одного или нескольких из них на основании как объективного, так и субъективного сравнения элементов, на основе разнородных отношений между ними, с приложением определенной, нередко ясной априорно, шкалы. Например:

[i] – Что вы делали вчера вечером?

– **Ничего особенного. Была дома. Читала. Занималась. *Вдруг мне звонили родители.**

Последовательность описания перечисленных элементов множества может быть различной. Выделяемый элемент редко является инициальным, чаще занимает иную, произвольную позицию. Именно интересующие нас показатели делают указанный элемент самым релевантным.

[ii] – Как прошла аттестация на кафедре?

– Ничего особенно страшного. **Выступал** руководитель. **Я рассказывала**, что сделано за год. ***Вдруг спрашивали**, успею ли закончить в срок. Да, еще **выступала** моя бывшая руководительница курсовой. В общем **хвалила**.

Выделенность одного из элементов неравнозначного для говорящего множества за счет лексического показателя *вдруг, внезапно, неожиданно* происходит в ситуации так называемой прямой эвиденциальности, личной засвидетельствованности говорящим информации, полученной по слуховым, зрительным, тактильным или иным каналам (Ср.: **Вдруг, как говорят, мне позвонили родители*).

Здесь присутствует так называемая метакатегория *наблюдатель* [11].

Иначе говоря, представление действия как общего факта говорит о том, что оно не входит в зону внимания говорящего и говорящий не выделяет его, не фокусируется на нем (понятие «фокус» мы трактуем так же, как Ирисханова) [12]. Именно в этом мы видим несовместимость наречий *вдруг, внезапно, неожиданно* с идеей общего факта и именно эту объяснительную модель считаем разумным предложить инофонам. В сознании носителей языка выделенность в плане прошедшего времени выражается с помощью формы совершенного вида.

Замеченные аспектологами разных стран ограничения реализации общефактического значения базируются на разных признаках. Неизбежно вызывающее недоуменные вопросы иностранных слушателей и известное в аспектологии явление невозможности реализации общефактического значения определенными классами глаголов находит различное толкование. Одна из объяснительных моделей была предложена Г. М. Зельдовичем, утверждавшим, что «если несовершенный вид употребляется в... общефактическом смысле, то почти всегда предполагает, что данная ситуация в принципе повторима» [13, с. 30].

Проиллюстрируем это примером [III] приведенного выше фрагмента текста С. Довлатова.

[III] * *На похоронах Ходасевича **избил** циничного Георгия Иванова. Причем буквально на краю могилы.*

Именно невоспроизводимостью ситуации можно объяснить невозможность здесь формы ПН *бил* и реализации ОФЗ.

Однако предложенная трактовка, применимая к ряду случаев, охватывает далеко не все ситуации. Одним из скользких моментов, как ни странно, является проведение границы между в принципе воспроизводимыми и в принципе невоспроизводимыми действиями.

[iii] Она **родилась** в деревне, **воспитывалась** в городе у доброй тетушки (Т. Толстая).

Если замена первой глагольной формы, СВ, на форму НСВ невозможна по причине невоспроизводимости момента рождения, то вторая форма вызывает сомнения в отношении того же признака. Если само действие (*воспитываться*) в принципе воспроизводимо, то можно ли считать его таковым в проекции на индивидуальную судьбу? Тем не менее этот глагол употреблен в форме ПН и реализует общефактическое значение.

Общий факт vs квантификация объекта

Аспектуальные значения русского языка описаны детально, но при этом, как кажется, недостаточно внимания обращалось на соотношение их каче-

ственных и количественных сторон и особенно специфику последних. Качество мы, вслед за Аристотелем, понимаем как «видовое отличие сущности...», а количество — как «...множество, если оно исчислимо, величину — если измеримо» [14, с. 164–166].

Действие может быть охарактеризовано количественно с точки зрения его внутреннего устройства. На наш взгляд, внутренними аспектуальными количественными характеристиками можно считать: процессность, завершенность/предельность/результативность, мгновенность.

Как действие, так и состояние может быть охарактеризовано количественно и с его внешней стороны, в смысле упорядочивания его во времени, другими словами, встраивание в разные ряды и множества. Внешними количественными аспектуальными характеристиками действия и состояния следует считать однократность и повторяемость.

Количественные характеристики действия и состояния в то же время являются их неотъемлемыми качественно характеризующими признаками. Например, действия *думать*, *анализировать*, состояния *видеть*, *слышать* обладают протяженностью, а *поставить печать*, *моргнуть* — не обладают. Возможность быть протяженным — это качество данного действия или состояния, характеристика его внутренней формы.

Таким образом, среди аспектуальных значений современного русского языка можно выделить те, которые в большей степени характеризуют качество или количество действия или состояния, и те, которые характеризуют его в меньшей степени.

Формантами аспектуальной характеристики русского простого предложения являются не исключительно глагольные формы, но также, в некотором отношении, и субъект, и объект действия. Количественные характеристики и субъекта, и объекта могут быть столь же релевантны, сколь и аналогичные характеристики действия. Этот подход соответствует высказыванию Е. В. Петрухиной о том, что «...необходимо изучение аспектуальной категоризации действий в лексике, словообразовании и грамматике» [15, с. 19].

Необходимо отметить, что общефактическое значение в большинстве случаев несовместимо с партитивом объекта: *Зачем она приходила? — Воду приносила* (но не: **Воды приносила*), *Деньги приносила* (но не: **Денег приносила*).

Показательны также и более сложные способы обозначения партитивности: *Зачем она приезжала? — Теплую одежду привозила. Молоко детям завозила. Книги дочке передавала* (но не: **Немного теплой одежды привозила. *Немного молока завозила. *Несколько книг дочке передавала*). *Зачем она приходила? — Цветы приносила* (но не: **Большие цветов приносила. *Еще цветов приносила*).

Наши диагностические контексты включают глаголы, способные употребляться как с винительным падежом целостности, так и с родительным падежом партитивности: *приносить что/чего, привозить что/чего, завозить что/чего, оставлять что/чего, передавать что/чего, закидывать что/чего* (разг.). Здесь глаголы реального физического движения сочетаются с обозначениями физических объектов.

В то же время другие аспектуальные значения не чужды партитиву объекта: *Она читала полглавы в день* (повторяемость + партитив); *Она долго читала эту оставшуюся, полуобгоревшую половинку письма* (Астафьев) (процессность + партитив); *Она уже прочитала полглавы* (завершенность, результативность + партитив); *Она прочитала полромана и может вам рассказать* (перфектность + партитив) и т. д.

Партитив, на наш взгляд, является бесспорной количественной характеристикой объекта. Если, как мы выяснили, все аспектуальные значения сопрягаются с ним, а общефактическое значение (исключающее количественные характеристики) не сопрягается, значит, все прочие аспектуальные значения в том или ином смысле количественны, как и партитив. Данный материал еще раз наводит на мысль о том, что количественность может претендовать на роль инварианта видового противопоставления русского глагола.

Результаты исследования. Заключение.

Рассмотрение двух синтагматических ограничений ОФЗ (несочетаемость с наречиями *вдруг*, *внезапно*, *неожиданно* и квантифицируемым объектом) проливает свет на содержание самого понятия «общий факт» и делает возможной новую объяснительную модель явления для иностранной аудитории: ОФЗ — это несфокусированность говорящего на действии/состоянии.

Это определение, в свою очередь, позволяет включить ОФЗ в круг способов проявления общеязыковой категории определенности/неопределенности (в данном случае протекания, распределения во времени).

Сопоставление двух отмеченных ограничений дает некоторый материал для разграничения аспектуально релевантных и нерелевантных характеристик действия/состояния.

Синтагматические ограничения реализации ОФЗ в предложении нуждаются в дальнейших исследованиях, равно как и типовые ситуации реализации этого значения с участием разных языковых средств, включая глагольные формы будущего времени и инфинитива.

Иначе говоря, дескриптивный инструментарий, действующий на территории реализации общефак-

тического значения, нуждается в доработке. Введение в лингвистический обиход новых критериев трактовки все более широкого круга понятий и явлений ведет также к уточнению места аспектуаль-

ных смыслов в смысловой организации русского простого и сложного предложения, к ориентации их относительно модуса и диктума, а также к уточнению установленных в этой сфере связей явлений.

Список литературы

1. Bivon R, Petrukina E. The Russian Verb. A Guide to its Form and Usage for Advanced Learners with exercises. Санкт-Петербург; Златоуст, 2004. 261 с.
2. Грекова О. К. Презентация темы «Виды глагола и отглагольные формы» в тестах ТРКИ (A1-A2-B2) // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 97–104.
3. Грекова О. К. Виды подготовок аспектологической субкомпетенции иностранных учащихся (B1 – B2 – C1 – C2) // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 87–94.
4. Эндрюс Э., Аверьянова Г. Н., Пядусова Г. И. Русский глагол: Формы и их употребление. М.: Русский язык – Курсы, 2016. 359 с.
5. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке. Пособие для изучающих русский язык. М.: Русский язык, 1994. 89 с.
6. Тэк-Гю Хонг. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003. 446 с.
7. Грекова О. К. Общий ли факт, или Практические заметки-3 о выборе глагольного вида // Слово. Грамматика. Речь. Сб. научно-метод. ст. по вопросам преподавания РКИ. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. V. С. 4–12.
8. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени в контексте современных лингвистических исследований. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
9. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
10. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1996. 245 с.
11. Верхотурова Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель»: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 290 с.
12. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 319 с.
13. Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 643 с.
14. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 210 с.
15. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. 255 с.

Грекова Ольга Константиновна, доцент, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991). E-mail: olggre@list.ru

Материал поступил в редакцию 14.02.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-155-161

GENERAL FACT: SYNTAGMATIC RESTRICTIONS IN RFL COURSE

O. K. Grekova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The paper deals with the actual, but the least investigated Russian language aspectual meaning – the *general fact*. This means that full qualification is even more important because it is a guideline of the *Russian Aspectual System*. The article covers the Russian as a Foreign Language modern training courses, created by foreign and Russian authors, an analysis of the basic principles of data presentation. Their conceptual features are marked.

The author aims at the versatile presentation of *two general fact* use syntagmatic restrictions (non-collocation: a) with adverbs **вдруг, внезапно, неожиданно** (suddenly, unexpectedly); b) with quantified object) and creating these phenomena's explanatory model.

Despite the traditional opinion of the unexpectedness, dominating in the semantics of these adverbs, author, distinguishing aspectual and non-aspectual action characteristics, considers the feature of unexpectedness aspectually irrelevant and so puts forward the different basis for figuring out the first restriction – Salience / importance of the action for the speaker, which proves the verbal aspect interpretative function. The second restriction is being analysed regarding the wider sphere of phenomena – the quantifying and qualifying characteristics of the action /state itself. So Partitive appears to be homogeneous for quantification. But the latter are impossible in terms of the *general fact* use. Thus it results in putting the *general fact* essence into the limelight, making it possible to shape it for the foreign learners: the speaker is not focused on the action and state, the latter is not emphasized. Hence the *general fact* meaning

could be included in the set of means, revealing the universal language category of definiteness/indefiniteness (of the action/state distribution in time). The gained results open some certain research perspectives: listing the *general fact* use typical situations given the different verbal grammar forms (future forms and infinitive) are involved, aspectual meanings' orientation in regard to dictum and modus, verifying the aspectual meanings' position in the Russian sentence semantic structure.

Keywords: *Russian as foreign language, aspectual meanings, general fact, action salience, object quantification.*

References

1. Bivon R., Petrukhina E. *The Russian Verb. A Guide to its Form and Usage for Advanced Learners with exercises*. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2004. 261p.
2. Grekova O. K. Prezentatsiya temy «Vidy glagola i otglagol'nyye formy» v testakh TRKI (A1-A2-B2) [Presenting the theme "Aspects and Verbal Forms in Russian as a Foreign Language Tests" (A1 – A2 – B2 Levels)]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*, 2016, no. 4, pp. 97–104 (in Russian).
3. Grekova O. K. Vidy podgotovok aspektologicheskoy subkompetentsii inostrannykh uchashchikhsya (B1–B2–C1–C2) [Types of Training the Foreign Students' Aspectologic Subcompetence (B1 – B2 – C1 – C2 Levels)]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*, 2017, no. 3. Pp. 87–94 (in Russian).
4. Endryus E., Aver'yanova G. N., Pyadusova G. I. *Russkiy glagol. Formy i ikh upotrebleniye* [Russian verb. Forms and their use]. Moscow, Russkiy yazyk–Kursy Publ., 2016. 359 p. (in Russian).
5. Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke. Posobiye dlya izuchayushchikh russkiy yazyk* [Verbal aspect in the Russian language. Textbook for learning Russian]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 89p. (in Russian).
6. Tek-Gyu Khong. *Russkiy glagol'nyy vid skvoz' prizmu teorii rechevykh aktov* [Russian aspect through the prism of speech acts' theory]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 446 p. (in Russian).
7. Grekova O. K. Obshchiy li fakt, ili Prakticheskiye zametki-3 o vybere glagol'nogo vida [Is it a general fact, or the Practical Notes-3 in terms of the aspect choice]. *Slovo. Grammatika. Rech'. Sbornik nauchno-metodicheskikh statey po voprosam prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo. Vyp. V* [Word. Grammar. Speech. Collection of scientific and methodical articles on teaching Russian as a foreign language. Iss. V]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2003. Pp. 4–12 (in Russian).
8. Petrukhina E. V. *Russkiy glagol: kategorii vida i vremeni v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy* [Russian verb: aspect and time categories in the context of modern linguistic research]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2009. 208 p. (in Russian).
9. Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola* [Russian verb aspect oppositions' semantic types]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 155 p. (in Russian).
10. Dem'yankov V. Z., Kubryakova E. S., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Cognitive terms' short dictionary]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996. 245p. (in Russian).
11. Verkhoturova T. L. *Lingvofilosofskaya priroda metakategorii «nablyudatel'»*. Dis. dokt. filol. nauk [The linguaphilosophic nature of observer metacategory. Diss. doct. of philol. sci.]. Irkutsk, 2009. 290 p. (in Russian).
12. Irskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus playing in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 319 p. (in Russian).
13. Zel'dovich G. M. *Pragmatika grammatiki* [Grammar pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 643 p. (in Russian).
14. *Aristotel' Sochineniya v 4 tomakh. Tom 2* [Selected Works in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 210 p. (in Russian).
15. Petrukhina E. V. *Aspektual'nyye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspectual verbal categories in the Russian language compared to Czech, Slovakian, Polish and Bulgarian Languages]. Moscow, Moscow University Publ., 2006. 255 p. (in Russian).

Grekova O. K., Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991).

E-mail: olggre@list.ru